

УДК [947+957]

ПОЛИТИКА «КОРЕНИЗАЦИИ» В АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИКАХ РСФСР В 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья)

А. А. Герман

Саратовский государственный университет
E-mail: a.a.german@mail.ru

В статье на примере АССР немцев Поволжья освещается проведение «коренизации» как элемента национальной политики Советского государства 1920-х гг., осуществлявшейся во всех союзных и автономных национально-государственных образованиях СССР. «Коренизация» должна была укрепить роль «титულიной» нации, но породила целый ряд новых проблем в межнациональных отношениях.

Ключевые слова: национальная политика, «коренизация», межнациональные отношения, 1920-е годы, национальный язык.

The Policy of «Indigenization» in the Autonomous Republics of RSFSR during the 1920s (Based on the Materials of Autonomous Republic of the Volga Germans)

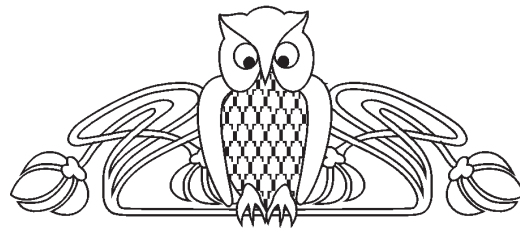
A. A. German

The article highlights the process of «indigenization» as an element of Soviet national policy. The research has been conducted on the example of Autonomous Republic of the Volga Germans. The «indigenization» was an element of Soviet national policy in 1920s, accomplished in all the nation-state formations of the USSR both Union and autonomous. The «indigenization» was supposed to consolidate the position of «titular» nation, but also caused a whole new set of problems in interethnic relations.

Key words: national policy, «indigenization», interethnic relations, 1920s, national language.

Политическая система, сложившаяся в АССР немцев Поволжья к концу 1920-х гг. ничем не отличалась от политической системы всего советского общества, сформировавшейся в результате победы сталинского направления в ВКП(б)¹. Сделанный вывод относится и к особенностям, связанным со статусом АССР НП как национально-территориального образования.

Прежде всего речь идет о так называемой «коренизации» – политико-культурной кампании, проводившейся с 1924 г. и направленной на усиление роли «титულიных» наций в соответствующих союзных и автономных образованиях. Кампания проходила по основным принципам «ленинской национальной политики», основывалась на Декларации прав народов России (1917 г.) и была призвана сгладить противоречия между политикой руководства Коммунистической партии, Советского государства и интересами национальных меньшинств, составлявших более половины населения стран, а также была призвана

укрепить большевистскую власть в нерусских районах страны путем формирования кадрового состава партийных, советских и хозяйственных учреждений из лиц коренной национальности,

В АССР немцев Поволжья политика «коренизации» началась весной 1924 г., т. е. спустя несколько месяцев после ее создания на основе существовавшей ранее Автономной области немцев Поволжья. 19 мая 1924 г. 2-я сессия ЦИК АССР НП приняла «Инструкцию по введению национального языка в АССР НП»². Инструкция вводилась «в целях приспособления аппарата АССР НП к быту населения и привлечения последнего к активному строительству и в целях популярности и доступности населению декретов и кодексов, издаваемых советской властью»³.

«Инструкция» предписывала проведение следующих мероприятий:

– все сёла и кантоны, имевшие двойное – русское и немецкое наименование, должны были до 1 августа 1924 г. перейти на «национальное» наименование, то есть если большинство населения села или кантона составляли немцы – за этими сёлами и кантонами закреплялись немецкие наименования. Кроме того, в этот же срок разрешалось ходатайствовать о переименовании сёл на новые «революционные» названия;

– все печати, штампы и вывески в немецких и смешанных русско-немецких кантонах и сёлах должны были иметь надписи на двух языках: немецком и русском, в украинских сёлах – на украинском и русском языках, в русских кантонах и сёлах – только на одном русском языке;

– на двух языках – немецком и русском – надлежало изготовлять все удостоверения, мандаты, дипломы, аттестаты и другие документы, имевшие республиканское значение, а также объявлять устно или в печати официальные приказы, постановления, инструкции, объявления и т. п., исходящие от республиканских органов власти;

– ведение делопроизводства в кантонах и сёлах предполагалось осуществлять на языке народа, составлявшего там большинство, если этот язык являлся одним из государственных языков АССР НП (немецкий, русский и украинский). В сёлах с местным языком, не являвшимся одним из государственных (татарский, казахский, эстонский и др.), делопроизводство на местном языке разрешалось вести только для «внутреннего употребления». Для общения таких сёл с кантонными

и республиканскими органами власти, а также с другими селами необходимо было пользоваться каким-либо государственным языком. Разнонациональные кантоны и сёла общались между собой на русском языке. Кантонным учреждениям разрешалось вести переписку с республиканскими учреждениями на языке, применяемом в кантоне. Центральные учреждения АССР НП своё внутреннее делопроизводство могли вести на русском языке, однако ответы на запросы мест и частных лиц должны были давать на языке запроса. Переписка с немецкоязычными кантонами велась только на немецком языке. Документы и дела ЦИК и Совнаркома АССР НП оформлялись на немецком и русском языках;

– государственные органы АССР НП должны были «стремиться к наибольшему привлечению на службу лиц, владеющих немецким, а там, где следует, – и украинским языками». С этой целью надлежало командировать «трудящуюся молодёжь» из немцев и украинцев в учебные заведения, при всех республиканских и кантонных учреждениях организовать «курсы-кружки» по обучению немецкому и украинскому языкам;

– во всех школах Немреспублики преподавание надлежало вести на языке «соответствующей национальности», причём в немецких и украинских школах русский язык должен был стать обязательной дисциплиной, в русских и украинских школах повышенного типа обязательным предметом становился немецкий язык;

– всем учреждениям государственного аппарата Республики немцев Поволжья предписывалось «немедленно обеспечить широким массам населения возможность переговоров... на местных языках (немецком, украинском и русском)».

Для реализации «Инструкции по введению национального языка в АССР НП» создавались соответствующие комиссии в республиканском центре Покровске и кантонных административных центрах в составе соответственно председателя ЦИКа и председателей кантисполкомов, наркома просвещения и заведующих кантонными отделами народного образования, представителей республиканских и кантонных партийных и профсоюзных органов. На комиссии возлагались функции по контролю за проведением в жизнь «Инструкции» государственными учреждениями всех уровней. Кроме того, вводилась система регулярных отчётов нижестоящих госучреждений перед вышестоящими о выполнении политики «коренизации». При необходимости предполагалось проводить «очистку учреждений Республики от элемента, затрудняющего проведение настоящей «Инструкции» и вообще шовинистически настроенного (без различия национальностей)». Все мероприятия по «коренизации» намечалось выполнить к 1 января 1926 года⁴.

Как показала практика, реализовать политику «коренизации» в Немреспублике, как это предписывалось «Инструкцией», оказалось делом

весьма сложным, а подчас и невыполнимым. Причём наибольшее противодействие политике «коренизации» оказывалось в верхних эшелонах управленческого аппарата.

Спустя два с лишним года, 13 июля 1926 г., то есть на 6 месяцев позже срока окончания «коренизации», намечавшегося в приведенной выше «Инструкции», состоялось заседание бюро обкома ВКП (б) АССР НП, рассмотревшее вопрос «Об итогах национализации соваппарата». Отмечались очень скромные успехи «коренизации»: на немецкий язык делопроизводство было переведено только в 4 кантонах, в орготделе ЦИКа и частично в ведомстве юстиции. Бюро вынуждено было констатировать «невнимательное отношение большинства центральных учреждений к проведению немецкого языка, вследствие чего в значительной степени ослабляется темп коренизации нижестоящих органов»⁵. Отметив «политическое значение» коренизации, «обусловливающей привлечение широких масс к непосредственному участию в политической и общественной жизни», бюро обкома потребовало принять «энергичные меры» к выполнению намеченных ранее планов «коренизации».

Однако в серьёзную проблему превратился и процесс «коренизации» самого партийного аппарата, поскольку в нём значительное количество партийных функционеров всех уровней не являлись немцами, не знали немецкого языка и, в силу своей малограмотности, невысоких способностей, а подчас и отсутствия желания, эти люди не смогли в указанные сроки изучить немецкого языка. Это отмечалось в ноябре 1926 г. на одном из очередных заседаний бюро обкома ВКП (б)⁶.

Довольно основательно итоги «коренизации» были проанализированы на майском (1927 г.) пленуме обкома ВКП (б) АССР НП. Не называя вещи своими именами, Пленум вынужден был всё же констатировать провал политики «коренизации». Даже за три с лишним года не удалось сделать и половины того, что намечалось сделать за два года. Достижения «коренизации» были весьма незначительны. Удалось осуществить преподавание на немецком языке в немецких сёлах во всех начальных школах, всего в девяти 7- и 9-летних школах, в нескольких техникумах, изготовить и внедрить в делопроизводство бланки, штампы, печати с немецкими и русскими надписями, издать несколько раз на немецком языке начиная с 1926 г. постановления сессий ЦИКа и съездов Советов, некоторые другие руководящие документы, полностью «оформить» немецкие наименования населённых пунктов.

В то же время практически ни один из кантонов, где это положено было сделать, не смог перевести на немецкий язык делопроизводство своих партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, хозяйственных и других учреждений. А в таких кантонах, как Зельманский, Бальцерский, Палласовский, Фёдоровский, Краснокутский,

отмечалось «почти полное отсутствие перехода к немецкому языку в делопроизводстве»⁷.

Резкой критике был подвергнут Наркомпрос АССР НП за «полное отсутствие организации» курсов по подготовке и переподготовке работников по немецкому делопроизводству и изучению немецкого языка вообще. Отмечались также большой недостаток немецкой литературы и «нежизненность комиссий по введению национального языка».

Оценивая причины неудач в «коренизации», обком ВКП (б) Немреспублики сослался на ряд объективных трудностей и собственные ошибки. В качестве объективных трудностей были названы: неурожай 1924 г. и его последствия, потребовавшие отвлечения многих сил; отсутствие необходимого количества финансовых средств, ввиду неутверждения Центром представленной ему сметы на проведение «коренизации». Своими ошибками обком назвал: отсутствие достаточной плановости, системы и решительности в работе; слишком одностороннюю установку на госаппарат, при этом оставлены почти без внимания хозяйственные, кооперативные и общественные организации; непринятие мер к тому, чтобы преодолеть безынициативность со стороны только что названных организаций, «частично явное нежелание и сопротивление не только всего аппарата того или иного учреждения, но и самого руководителя последнего всяким начинаниям по проведению инструкции»⁸.

Последнее, наряду с объективными трудностями, нам представляется одной из основных причин провала «коренизации». Сформировавшийся к концу 1920-х гг. интернациональный бюрократический аппарат в партийных, советских и других органах, ведомствах и учреждениях был вполне доволен своим положением, создав себе определённый комфорт. Требования «коренизации» заставляли его предпринимать усилия в направлении, не сулившем никаких конкретных выгод и, следовательно, создавали дискомфортное положение. Поэтому и существовало скрытое сопротивление «коренизации» не только со стороны русскоязычных бюрократов, но и чиновников-немцев.

Майский пленум немобкома ВКП (б) потребовал «впредь более решительно и планомерно проводить коренизацию учреждений и организаций нашей республики, обращая при этом особое внимание на подтягивание отстающих...»⁹. Пленум принял постановление, в котором уточнил и развил в сторону ужесточения ряд положений инструкции по «коренизации» 1924 г.

В частности, в постановлении содержались требования, вроде следующих: «считать знание немецкого языка сотрудниками учреждений обязательным», «обязать партийцев-активистов русской национальности, работающих в центральных учреждениях и в немецких и смешанных кантонах, в течение полутора лет изучить немецкий язык» и т. п.¹⁰

После майского пленума обкома ВКЛ (б) АССР НП при проведении политики «коренизации» существенно усилились элементы администрирования, так называемые «перегибы». Это привело к обострению отношений между немцами и русскими в некоторых республиканских и кантонных организациях и учреждениях. Так, например, бюро обкома партии вынуждено было рассматривать вопрос о проявлении национального антагонизма между немцами и русскими в Старо-Полтавской кантонной парторганизации. В этом практически на сто процентов русском кантоне пытались заставить силой изучать немецкий язык. Серьёзный конфликт на национальной почве в связи с «коренизацией» произошёл в Наркомате земледелия¹¹.

Ужесточение политики «коренизации», как видим, вело к обострению межнациональных отношений и в то же время каких-то ощутимых результатов не давало. В 1927 г. ЦИК АССР НП дважды (27 мая и 10 октября) принимал суровые постановления, требовавшие составлять во всех госучреждениях специальные календарные планы по выполнению мероприятий «коренизации», однако и это не помогало. В марте 1928 г. бюро немобкома в очередной раз, произведя проверку выполнения директив по «коренизации» в наркоматах АССР НП, вновь пришло к неутешительным выводам: несмотря на некоторый сдвиг, в целом программа «коренизации» выполняется с большими отставаниями и крайне неорганизованно. Отмечались равнодушие, пассивность сотрудников наркоматов, непосещение ими кружков по изучению и совершенствованию немецкого языка, «отсутствие достаточно серьёзной постановки вопроса как со стороны партячеек, профсоюзных органов, так и со стороны самих руководителей наркоматов...» Бюро обкома потребовало выполнения постановлений ЦИКа АССР НП 1927 г. и решило «в целях наилучшего обслуживания населения на национальном языке держать курс на замену инспекторов, не знающих немецкого языка, – работниками, знающими и немецкий, и русский язык»¹². Однако в условиях острейшего дефицита подготовленных кадров это решение оставалось практически невыполнимым.

В целом политика «коренизации», наряду с хозяйственно-политическими мероприятиями, и прежде всего хлебозаготовками, с политикой усиления командно-административных методов управления во всех сферах общественной жизни, к концу 1920-х гг. привела к определённому ухудшению межнациональных отношений в Немреспублике. На бытовом уровне значительно вырос русский национализм, явившийся своеобразной реакцией русского населения на проводившиеся в Немреспублике кампании. Представляется, что партийное руководство АССР немцев Поволжья довольно точно увидело его источники в непосредственной и двуличной политике Центра: «Представьте себе, что Москва даёт определённые

директивы, а места выполняют эти директивы. Те, над которыми выполняются эти директивы, рассуждают так: «Калинин писал, что не надо делать нажим в хлебозаготовках, Рыков писал, что не надо насильно распространять облигации, ясно, что Покровск это делает, тут немцы виноваты...» У нас говорят, что «немцы нас насилуют», – это самый простой перевод какого-нибудь политического вопроса на национальный язык»¹³. На практике антинемецкие настроения определённой части русского населения вылились, в частности, в стремление ряда русских сёл Золотовского, Старо-Полтавского, Каменского, Покровского кантонов выйти из Немреспублики и войти в состав соседней Саратовской губернии¹⁴.

Та же политика Центра вызывала антирусские настроения среди некоторой части немецкого населения, особенно в сёлах. Руководство Немреспублики с этой стороны подвергалось критике за то, что слепо идёт на поводу у Москвы и не отстаивает интересов немецких крестьян. Существенная часть немецкого населения выражала своё недовольство и несогласие с решением о вхождении Немреспублики в состав Нижне-Волжского края, не без оснований опасаясь, что этот политико-административный акт приведёт к дальнейшему ущемлению самостоятельности и национальной специфики поволжских немцев во всех сферах общественной жизни¹⁵.

Серьёзно обеспокоенное положением дел, сложившимся в сфере межнациональных отношений, партийно-советское руководство АССР НП требовало от местных партийных организаций «подняться над уровнем обывательщины», превратить празднование предстоящего 10-летнего юбилея Немреспублики в «торжество националь-

ной политики всей нашей партии». Однако пока существовали источники, порождавшие бытовой национализм, невозможно было добиться полной межнациональной гармонии. «Торжества» национальной политики ВКП (б) в АССР НП так и не получилось.

С началом «развернутого наступления социализма по всему фронту» в начале 1930-х гг. «коренизация» не только сошла на нет, но вектор национальной политики был повернут в прямо противоположную сторону. Всякие попытки развития национально-культурных особенностей как правило, становились фактором обвинения в «буржуазном национализме».

Примечание

- ¹ Подробнее см.: Герман А. А. Немечкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007. С. 163–247.
- ² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 771. Л. 40–41, 45.
- ³ Там же. Л. 40.
- ⁴ Там же. Л. 41 об.
- ⁵ Там же. Д. 891. Л. 160.
- ⁶ Там же. Л. 227.
- ⁷ Там же. Д. 1340. Л. 248 об.
- ⁸ Там же. Л. 247.
- ⁹ Там же. Л. 249.
- ¹⁰ Там же. Л. 250.
- ¹¹ Там же. Д. 1323. Л. 64, 120.
- ¹² Там же. Л. 65.
- ¹³ Там же. Д. 179. Л. 157.
- ¹⁴ Там же. Д. 1323. Л. 157, 158.
- ¹⁵ Там же. Л. 158.

УДК [373+377].091] (470.44–25) [1920/1930]

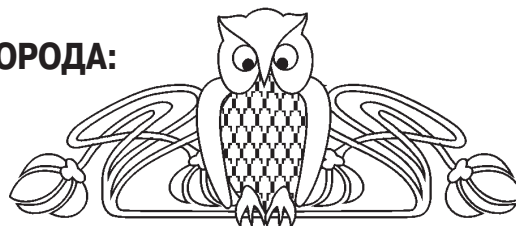
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ГОРОДА: ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920–1930-е гг. (на примере г. Саратова)

Т. А. Соловьева

Саратовский государственный университет
E-mail: civilrus@mail.ru

Статья посвящена вопросам школьного и профессионально-технического обучения в 1920–1930-е гг. На базе архивных материалов и периодики автор показывает один из важных аспектов повседневной жизни – изменения в системе образования.

Ключевые слова: система образования, школа, техникум, курсы, профессиональная школа, идеологизация образования.

The Daily Life of a Soviet Provincial City: Changes in a School and Vocational Education in 1920-1930-ies (by the Example of Saratov)

T. A. Soloviova

The article is devoted to the problems of school and vocational education in 1920–1930-ies. On the basis of archival material and periodicals the author shows one of serious aspects of a daily life – changes in an education system.

Key words: educational system, school, technical school, courses, professional school, ideologization of education.